

Цао Е, затаив дыхание, смотрел на экран. В его груди стало тесно, он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Он представлял себе разные варианты развития отношений Ли Ю и Цао Сююаня. Например, что этот брак начался с обмана со стороны Цао Сююаня, или что Ли Ю совершила ошибку, которая привела к этому браку и его рождению. Каждый вариант вызывал у него отвращение к самому факту своего существования, долгое время он боялся своего дня рождения.

Но теперь Лян Сычжэ снял этот фильм и показал ему, что Ли Ю и Цао Сююань когда-то любили друг друга, пусть и недолго, но ярко, и что он был плодом этой любви. Цао Е не помнил, когда начал плакать. Наверное, со слов «она сказала, что сделает его самым счастливым ребёнком на свете» он не мог сдержать слёз. Он вспомнил, как Ли Ю, несмотря на уговоры врачей, настояла на возвращении в Китай, как тайно встречалась с Цао Сююанем, как её сфотографировали журналисты в тот момент, когда она была подавлена, как она сказала, что «жалеет о рождении сяо Е». Оказалось, всё, что делала его мама перед смертью, было ради него, а он, услышав обрывки фраз, так долго её не понимал. Ли Ю не жалела, что родила его, а он сам теперь был полон раскаяния и чувства вины. Цао Е наклонился, уткнувшись лбом в колени, пытаясь скрыть своё состояние. Слёзы продолжали течь. Он вспомнил взгляд Ли Ю перед смертью. В нём было столько невысказанных слов, столько беспокойства. Но у неё уже не было сил говорить. Что она хотела ему сказать? Не терять веру в любовь? Или жить дальше, несмотря ни на что?

Лян Сычжэ поставил видео на паузу, погладил Цао Е по волосам, затем обнял его за плечи и нежно похлопал. Он позволил Цао Е выплеснуть эмоции, выплакаться. Когда Цао Е грустил, он всегда сворачивался в клубок. Лян Сычжэ вспомнил запись с камеры наблюдения в лифте, которую он пересматривал много раз: Цао Е, съёжившийся в углу, сидел, спрятав голову. Его сердце сжалось от щемящей боли.

— Твоя мама очень тебя любила, — тихо сказал Лян Сычжэ, наклонившись к Цао Е. — Она не жалела, что родила тебя.

Цао Е кивнул, уткнувшись лицом в колени. Он поплакал какое-то время и постепенно успокоился. Лян Сычжэ сходя в ванную за тёплым полотенцем, присел перед ним на корточки и мягко сказал:

— Всё, Цао Е. Ты можешь плакать при мне сколько угодно, тебе не нужно от меня прятаться.

— Я не плакал, — всхлипывая, возразил Цао Е.

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Хорошо, значит, это я плакал. Я плачу, а ты даже не хочешь меня утешить?

Цао Е вытер слёзы рукавом и посмотрел на Лян Сычжэ покрасневшими глазами. Лян Сычжэ тёплым полотенцем аккуратно вытер слёзы с его лица и тихо сказал:

— Разве не прекрасна эта короткая, но яркая любовь? Цао Е, ты появился на свет благодаря прекрасной встрече. Твоя мама была влюблена, когда ты родился. Ты появился в атмосфере любви, поэтому ты такой красивый и всем нравишься.

Услышав эти слова, Цао Е снова заплакал. Он не понимал, что с ним происходит, словно его слёзные железы вышли из строя.

— Ты такой хороший, Лян Сычжэ, — всхлипывая, сказал Цао Е.

Полотенце остыло, и Лян Сычжэ отложил его в сторону:

— Правда?

— Правда, — ответил Цао Е.

Когда он плакал, он был похож на ребёнка: у него были красные глаза и красный нос. Лян Сычжэ взял лицо Цао Е в свои ладони, посмотрел на него и поцеловал в его влажные от слёз, слегка солёные губы:

— Потому что я люблю тебя. И я и твоя мама — мы оба любим тебя.

— Я тоже тебя люблю, — сквозь слёзы произнёс Цао Е.

Лян Сычжэ слегка опешил и, помолчав, спросил:

— Правда?

Цао Е немного успокоился и вытер слезы:

— Почему ты выглядишь так, будто не веришь мне?

Лян Сычжэ усмехнулся:

— Верю. Скажи это ещё раз.

— Я тоже тебя люблю.

— А без «тоже»?

— Я люблю тебя.

— Ты такой милый, — Лян Сычжэ снова потрепал Цао Е по волосам. — И как это твоё существование не имеет смысла? Для твоей мамы ты был сокровищем, ради которого она готова была на всё. Я люблю тебя, и мне всё равно кто твой отец. Твои друзья любят тебя таким, какой ты есть, а не потому, что твой отец — Цао Сююань...

— Мне никто не говорил, что я милый, — перебил его Цао Е. — Наверное, они думают, что я красивый и хороший человек.

Лян Сычжэ рассмеялся:

— Серьёзно, тебе никто не говорил, что ты милый? У них что, глаза на затылке?..

— Мне тоже кажется, что слово «милый» мне не подходит, — сказал Цао Е гнусавым голосом.

— Почему? — улыбнулся Лян Сычжэ. — Мне кажется, это слово очень милое, и тебе оно подходит. Я ещё не закончил. Твоя семья, твой любимый человек, твои друзья любят тебя просто за то, что ты — Цао Е. Какая разница что говорят посторонние люди?

Цао Е кивнул:

— Ты прав.

— Остался ещё небольшой фрагмент видео. Хочешь посмотреть?

— Да. Что там?

— Интервью с помощником режиссёра, который работал с твоим отцом на том фильме.

Цао Е замолчал. То есть, сначала были рассказы друзей Ли Ю, а теперь будут рассказы друзей Цао Сююаня. Честно говоря, он не хотел ничего слышать о Цао Сююане. Лян Сычжэ заметил его колебания и сказал:

— Там просто описывается состояние твоего отца в то время. Цао Е, я хочу, чтобы ты посмотрел на своего отца со стороны. Но если ты не хочешь, мы не будем это смотреть.

— Давай посмотрим, — ответил Цао Е. — Ты же это снял, не пропадать же добру.

— Хорошо, — улыбнулся Лян Сычжэ.

Он взял пульт и нажал кнопку воспроизведения. Видео продолжилось.

— Конечно, Сююань был рад. Когда он получил фотографии сына, он угостил всю съёмочную группу.

— Если бы он не любил Ли Ю, зачем бы он на ней женился? У него потом было множество любовниц, но он ни на одной из них не женился. Он был женат только на Ли Ю, это о многом говорит.

— До того кинофестиваля у Сююаня не было серьёзных отношений. Ли Ю была его первой любовью... Удивлён? Ха-ха-ха... У него потом было много женщин, но до этого — никого.

— Да, потом он мало внимания уделял сыну. Честно говоря, у человека ограниченное количество энергии, понимаешь? Сычжэ, ты же работал с режиссёром Цао над несколькими фильмами. Ты видел, как он работает — он забывает о еде и сне, какое уж тут внимание сыну? Вот почему есть мастера, есть известные режиссёры, но только его называют гением. Потому что обычный человек, даже если захочет, не сможет так погрузиться в работу...

— Что-то теряешь, что-то находишь. Он добился невероятных успехов в кино, но я бы не хотел оказаться на его месте.

В отличие от эмоциональных и подробных рассказов друзей Ли Ю, слова помощника режиссёра были короткими и сухими.

Досмотрев видео, Цао Е долго молчал. Он не знал, что сказать. Прошло много времени, правда открылась, он больше не ненавидел Цао Сююаня, но, если Лян Сычжэ хотел, чтобы он помирился с отцом, он не был уверен, что сможет это сделать. Лян Сычжэ, словно прочитав его мысли, сказал:

— Я снял это видео не для того, чтобы ты помирился со своим отцом, а для того, чтобы ты помирился с самим собой.

Цао Е повернулся к нему:

— Что?

— Твой отец очень известен, и я не знаю, как тебе полностью избежать его влияния. Но, Цао Е, у тебя есть свой собственный свет. Иначе как бы ты привлёк таких замечательных режиссёров, как Ду Чжуй и Цэн Жань, такого отличного партнёра, как Чэн Дуань, и такого замечательного парня, как я?

Цао Е прижался щекой к колену и посмотрел на Лян Сычжэ:

— Ты прав.

Лян Сычжэ улыбнулся и продолжил:

— Ты основал Luomeng, построил «Утопию». Возможно, в будущем в «Утопии» появятся режиссёры не хуже твоего отца...

Цао Е не помнил, чтобы водил Лян Сычжэ в «Утопию»:

— Когда ты был в «Утопии»?

— Когда в «Жаре» нашли наркотики. Меня туда водила Хуан Ин.

— А... — Цао Е задумался. — Там всё сделано по моему проекту.

— Знаю, Хуан Ин мне рассказывала. — Он словно ждал похвалы, и Лян Сычжэ, улыбаясь, сказал: — Цао Е, ты такой молодец!

— Весь дизайн Luomeng — тоже моя идея, — не удержался от хвастовства Цао Е.

— Да, — кивнул Лян Сычжэ, видя, что Цао Е перестал принижать свои заслуги. — Если бы у меня был такой замечательный сын, я бы носил его на руках. Цао Е, может, тебе не считать Цао-лаоши своим отцом?.. — Цао Е удивился этим словам и хотел что-то сказать, но Лян Сычжэ продолжил: — ...а называть меня папочкой?

— Да пошёл ты! — возмутился Цао Е.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130329>